

Современный русский язык: социальная и функциональная дифференциация / Отв ред. Л П Крысин М . Языки славянской культуры 2003 565 с.

Зафиксированные в целом ряде исследований изменения, происходящие в русском языке на рубеже веков, возвращают русистику к проблеме социальной обусловленности языка [Костомаров 1994, Земская, ред 1996,

РЯ 1997, КРС 2000; РЯС 2003]. Очевидная корреляция социальных и языковых преобразований последнего времени (например: крушение тоталитарной системы → процесс деидеологизации языка; демократизация об-

щества → процесс демократизации литературных норм; обретение свободы совести → формирование церковно-религиозного стиля речи и др.) подталкивает современных исследователей к возрождению лежащих на поверхности идеи изоморфизма языковой и социальной структур

Авторы рецензируемой монографии опираясь прежде всего на критерий функциональной вариативности языка/речи отказываются от прямолинейной механистической трактовки социальной дифференциации языка. Признание эффективности рассмотрения языка в динамике его функционирования (а современное состояние русского языка отличается интенсивным динамизмом) влечет за собой выбор ведущих принципов коллективного исследования в их числе антропоцентризм, необходимость расширения ряда факторов влияния – стилистического, ситуативного, коммуникативно-ролевого

Принимая в целом традиционную схему дифференциации языка, авторы делают акцент на функционировании, употреблении языковых единиц, на наличии промежуточных подсистем языка (ср.: диалект, просторечие и полудиалект [Герд 2000 47]), обращают внимание на полигlossность носителя языка [Ларин 1928], приводят к выводу о необходимости рассмотрения проблемы социальной дифференциации языка в тесной связи с проблемой языкового варьирования.

Коллективная монография состоит из введения, четырех основных частей и заключения. Самостоятельную ценность имеет библиографический список, дающий целостное представление о развитии социолингвистики XX века.

Во Введении (Л. П. Крысин) осуществляется постановка проблемы, уточняются методологические позиции коллектива авторов, кратко характеризуется научный аппарат исследования, прогнозируются перспективы социофункционального подхода к языку.

Часть I "Социальная дифференциация системы современного русского национального языка" (Л. П. Крысин) основана на разработке фундаментального положения о двояком выражении социальной дифференциации языка через социально обусловленные подсистемы (глава 1), через социально маркированные языковые средства (глава 2). При рассмотрении каждой конкретной подсистемы языка, в соответствии с социофункциональным подходом, учитываются следующие параметры: социальная характеристика носителей данной языковой подсистемы; набор средств коммуникации; особенности использования этих средств. Характеристика литературного

языка по названным параметрам приводит к обоснованному выводу о его гетерогенности: субстратной, социальной, функциональной

Функциональная дифференциация языковых средств и членение на функциональные стили правомерно признаются особенностью собственно литературной подсистемы национального языка. Хотелось бы попутно заметить, что описание структуры научного стиля речи проведено без учета результатов монографического исследования [Кожина 1994; Стилистика 1998] этого стиля в его эволюции (XVIII–XX вв.). Если отвлечься от данного раздела и оценить монографическое исследование в целом, можно с сожалением отметить, что заявленный функционально-стилистический поворот социолингвистического анализа к видимым результатам не привел

Нельзя не признать плодотворности положения о специфике жанрового репертуара отдельного функционального стиля. Еще М. М. Бахтин говорил о целесообразности классификации речевых жанров "по сферам человеческой деятельности" [Бахтин 1979 242], связанным с функциональной дифференциацией языка. Эта мысль, безусловно, актуальна для социолингвистического исследования

Целым рядом уточнений и обобщений, связанных как с кругом носителей диалекта, так и с функционированием говоров, ограниченным семейной и неофициальной межличностной коммуникацией, сопровождается анализ территориальных диалектов. Особо подчеркивается наличие социального и стилистического варьирования диалектных средств. Вскрываются причины формирования полудиалектов

При характеристике просторечия как специфически национальной языковой подсистемы высказываются оригинальные перспективные идеи. Мы имеем в виду прежде всего идею разграничения "просторечия-1" и "просторечия-2", связанную с наличием круга носителей этой языковой подсистемы и наличием собственно языковых особенностей, которые прослеживаются на всех уровнях (от фонетического до синтаксического). Представляется, что углубленный анализ "просторечия-2" может изменить сложившееся представление о просторечии как периферии общенационального языка источнике неправомерностей, и повернуть социолингвистические исследования в сторону этнокультурной специфики данной подсистемы

В монографии четко дифференцируются жаргоны профессиональные, основанные на объединении по специальности, профессии (отмечаются тенденции к их диффе-

ренциации и тенденция к интеграции с литературным языком, просторечием, а также к интеграции взаимной), и жаргоны социальные, основанные на социальном отчуждении (отмечается связь социального жаргона с порождающей его социальной средой); особо оговаривается существование общего жаргона [ТСОЖ 1999].

Характеристика каждой подсистемы максимально соотнесена с состоянием русского языка на рубеже веков. Динамический подход к описанию позволяет систематизировать важнейшие направления реальных социоязыковых изменений.

Важнейший итог данной главы и исследования в целом – сформулированные Л.П. Крысиным социалингвистические свойства каждой языковой подсистемы. Лаконизм, точность, адекватность соответствующих формулировок (с. 47, 52, 68, 74) позволяют говорить о целесообразности их внедрения в тексты учебников по современному русскому языку и культуре речи.

Социальная обусловленность языка, как известно, выражается в разных формах [Крысин 1968] и, в частности, в том, что некоторые "языковые средства приобретают функции социальных символов – маркеров принадлежности говорящего к той или иной социальной среде" (с. 79). Описанию таких социально маркированных языковых единиц посвящена глава 2. Основопологающим тезисом является положение об избирательном характере социальной обусловленности языка [Поливанов 1968], и это известное положение развивается и уточняется Л.П. Крысиным. Показано, что не только разные уровни языковой структуры в разной степени проницаемы для социального воздействия (лексика и фразеология в большей степени; морфология, фонемный состав – меньше), но и на каждом уровне языка социальному влиянию подвержены лишь определенные участки. В главе рассмотрены все уровни языка и именно те участки или группы единиц, которые являются социально маркированными: в области консонантизма – [ʏ] фрикативное, [ж'] полумягкое, [ɪ] средне-европейское; в области вокализма – сохранение [o] не под ударением, редукция неударного [y]; в морфологии – формы именительного падежа множественного числа существительных мужского рода; в сфере словообразования показана специализация словообразовательных моделей и/или предпочтение каких-либо моделей в определенной подсистеме языка; в области синтаксиса – отдельные конструкции, частотные в средствах массовой информации; на лексическом уровне – профессиональные метафоры и слова с социально

ориентированным значением. Ценно то, что описание иллюстрируется фактами, наблюдаемыми в современной русской речи. Принципиально важным нам кажется социалингвистический поворот в оценке указанных речевых особенностей, которые обычно интерпретируются либо с точки зрения соответствия норме, либо с точки зрения принадлежности к какой-либо подсистеме языка или стилистической окрашенности. В главе убедительно показано, что многие специфические, нарушающие языковую традицию явления могут быть квалифицированы как принадлежащие той или иной социальной среде (например, формы именительного падежа множественного числа существительных мужского рода с флексией -á/-я). При этом автор отнюдь не склонен видеть за каждой специфической особенностью результат социального влияния: далеко не все факты отклонения от литературной нормы следует считать социально маркированными, некоторые инновации отражают общие тенденции развития языка и возникают на пересечении нескольких функциональных разновидностей.

При характеристике социальной маркированных языковых явлений учитывается множество параметров: принадлежность к той или иной профессиональной группе, уровень образования, возраст, пол, степень социальной мобильности и др. Это позволяет создать целостное впечатление о социально-языковых факторах в их многомерных связях.

Часть II "Соотношение социальной дифференциации языка и функционально-жанрового членения речи", включающая шесть основных глав, характеризуется новизной теоретического подхода: социальная дифференциация языка поставлена в связь с жанровыми формами, приспособленными для устной и письменной межличностной и массовой коммуникации.

В главе I (М.В. Китайгородская, Н.Н. Розанова) выявлены жанровые реализации типовых ситуаций общения горожан. Анализ жанровых форм проведен в русле концепции М.М. Бахтина, акцентирующей такие признаки речевого жанра, как диалогичность, целенаправленность, связь с определенной сферой общения. Для анализа привлекается уникальный речевой материал: осуществленные авторами записи живой речи москвичей. Известно, что речь жителей столицы отличается меньшей консервативностью, чем речь жителей провинциальных городов. Именно речь москвичей, находящихся в центре современных социальных новаций, может служить надежным источником сведений о динамике социальной дифференциации языка.

Авторами разработаны принципы членения коммуникативного пространства относительно хронотопа, темы (ситуативной и текстовой), партнеров коммуникации, их ролевых функций (см. таблицу 1, с. 109–110), а также форм речи – разговорной или кодифицированной литературной. Спорно, однако, утверждение о том, что кодифицированность – некодифицированность можно отнести к "функционально-стилевой дифференциации языка" (с. 104). Ведь функциональные стили, как было заявлено в первой части монографии, – это принадлежность исключительно литературной подсистемы языка, следовательно, к функциональному стилю относится лишь кодифицированная (или литературно-разговорная) речь – письменная и устная.

Авторами устанавливается зависимость в ряду: репертуар социальных ролей человека – типовые ситуации общения – жанровый репертуар. Каждое звено указанного ряда получает классификационное воплощение; жанровые формы убедительно проиллюстрированы. Выявлены основные тенденции жанрового развития: диалогизация и усиление личностного начала для письменных жанровых форм (плакаты: *Папа, не пей!; Господа из Банк оф Нью-Йорк, предупреждаем: мошенничество с ценными бумагами недопустимо*) при общем усилении фатки (реплика-наклейка на стекле автомобиля: *Осторожно, путая педали!*).

Типовые ситуации стереотипной устной городской коммуникации, обеспеченной цепочками соответствующих жанров, представлены на примере микромира аптеки. Предложенное описание жанрового воплощения стереотипных ситуаций имеет прикладное значение: живые диалоги, естественно вписанные в конкретный участок городского пространства, представляющие собой особым образом организованный текст и отражающие модели социально-ролевого поведения, могут быть с успехом использованы в учебных пособиях по русскому языку как родному и, в особенности, – как иностранному.

Изменения в социальной стратификации российского общества, в поведенческих схемах, нашедшие отражение в городских высказках, анализируются в главе 2 (М.В. Китайгородская). Лексика вывесок – точно выбранный материал для динамического социофункционального исследования. Отмечены важнейшие сдвиги в социолингвистическом облике города: деидеологизация, изменение стилистического узуса, смена лексико-тематических парадигм, формирование новейших парадигм, смена ролевых позиций иждивателя и адресата (горожанина), активизация ряда оппозиций (свое/чужое: *ресторан "Царская трапеза" – ресторан*

"Кардинал Ришелье"; старое/новое: Строгановы и К° – Мебель в натуре и на заказ) и др. Собственно лингвистический интерес представляет классификация актуальных способов номинации; социолингвистической значимостью обладает предложенная М.В. Китайгородской типология названий городских объектов, позволяющая, в частности, составить представление о культурно-ценностных предпочтениях и языковом вкусе жителей столицы. Перспективной представляется обозначенная жанровая интерпретация текстов-примитивов, в соответствии с которой выделяется жанровое ядро и варьирующееся жанровое расширение (*Продукты → Продукты 24 часа; Любимые продукты* и др.).

В главе 3 (М.В. Китайгородская, Н.Н. Розанова) анализируется современная политическая коммуникация, характеризующаяся, как отмечают авторы, заменой вертикального типа общения власти и народа (монолог) горизонтальным (диалог), поворотом от коллективного типа сознания к индивидуальному. Заслуживает внимания и экспериментальной проверки гипотеза дуальной модели (Ю.М. Лотман, Б.А. Успенский), объясняющая современные социально обусловленные языковые процессы. Основные тенденции развития современной политической коммуникации выявляются на фоне моделей политической коммуникации в тоталитарном обществе. Показано направление динамики ряда базовых оппозиций (с. 166). Например, движение от письменности к устности; от регламентированности к спонтанности. Спорно лишь противопоставление безадресности и адресованности. В тоталитарной политической коммуникации, как нам представляется, адресность существовала, однако тип адресата характеризовался высокой степенью обобщенности. Вывод о замене политической диглоссии полифонией мы полностью поддерживаем. Условное выделение трехчленного ряда – языка власти/языка демократической оппозиции/языка коммунистической оппозиции – позволяет разработать трехчастный очерк ключевых идеологем, демонстрирующий целесообразность такого разделения.

Вербализация идеологических концептов, отражающих политические установки партий, прослеживается на материале текстов определенных жанров: партийных программ, бюллетеней, листовок, дебатов и др., однако идентификацию партий даже по текстам программных жанров провести невозможно. Именно поэтому авторы, следуя антропоцентрическому принципу анализа, обращаются к речи партийных лидеров, яркие портретные зарисовки которых дают пред-

ставление о степени воздействия индивидуальной манеры речи и отраженных в ней ценностных установок.

Безусловной заслугой авторов является впервые осуществленное целостное описание "речевого мира" митингов 90-х годов (демократических и прокоммунистических), во многом определивших перестройку посткоммунистического общественного сознания. Теоретическая строгость категориального анализа (пространство, время, ролевая структура, тематика, репертуар жанров) позволяет сделать ценные социолингвистические обобщения. Все выводы основаны на изучении текстового материала, собранного авторами методом включенного наблюдения и представляющего самостоятельную социолингвистическую и историческую ценность. Так, приведенные примеры разных жанров народно-площадного творчества позволяют судить о свойственных носителю современного русского языка социальном оптимизме, прозрачности, эмоциональной и аксиологической раскованности, склонности к афористичности (например: *Идеи социализма / Высшая степень идиотизма*). Ценным представляется систематизация лексики (прагматические антонимы, словаченки и др.), позволяющая проследить маркировку "своего" и "чужого", дать интерпретацию митингов как синсемантических текстов.

Серия фотографий дополняет и конкретизирует наблюдения о языке города в меняющихся социальных условиях.

В главе 4 (Е.В. Какорина) рассматривается отражение социальной дифференциации языка в текстах СМИ. Один из опорных тезисов автора кажется нам неточным: на с. 241–242 отмечаются "изменения в социо-психологических функциях языка МК" (массовой коммуникации). Автор говорит об усилении функций "информирования и развлечения" и редукции функции регулирования. Во-первых, вряд ли "развлечение" можно интерпретировать как функцию языка; во-вторых, нецелесообразно игнорировать конструктивный принцип организации публицистического стиля, описанный в трудах по функциональной стилистике [Кожина 1983: 185; Костомаров 1971: 90–104; Матвеева 1990: 85]. В главе рассмотрены живые языковые процессы в зеркале текстов СМИ нового времени; в частности, на материале молодежной прессы показана реализация установки на устную разговорную речь, сближающуюся с жаргонной. Особое внимание уделено освоению и популяризации терминологии и иноязычных заимствований. Интерес представляет систематизация профессиональных жаргонов, служащих источниками лексического обновления тек-

тов СМИ. Из дедуктивно выведенного на с. 246 соотношения "специфика издания – набор жанров – специфика языка", к сожалению, практически выпадает второе звено.

С точки зрения социальной дифференциации единого национального языка весьма существенным оказывается факт вхождения носителей языка в те или иные малые социальные группы. Принадлежность к определенной, референтной для индивида (с. 21) социальной группе, наряду с другим динамическим социальным фактором – социальной ролью, оказывает существенное влияние на использование языковых средств. Наиболее типичной малой социальной группой является семья. Глава 5 (А.В. Занадворова) посвящена исследованию языка семьи, который отражает многие общие особенности функционирования языковых единиц в малой социальной группе. Признаки, определяющие существование семьи (общая апперцепционная база, тесная спаянность речи с ситуацией), лежат в основе любого "семейного языка", который характеризуется, как показывает автор, внутригрупповой общностью на всех уровнях языковой системы: в особенностях просодии и интонации, паралингвистических средств общения, в орфоэпических традициях, в составе "семейного словаря" и особенностях словоупотребления. Автор исследует уникальный материал – живую речь нескольких семей московской интеллигенции. Подробно анализируется лексика и фразеология семейного языка, поскольку именно специфические семейные слова "приобретают свойства символа принадлежности говорящего к данной группе" (с. 281) и придают неповторимое своеобразие домашнему языку. Особое внимание уделено описанию семейных номинаций: личных имен, прозвищ, "внешней и внутренней топографии" (с. 313). Каждый участник семейного словаря описан по нескольким параметрам: выделяются источники появления лексической или фразеологической единицы, причины ее возникновения, способы образования. Это создает целостную картину языка семьи. Интересны наблюдения, связанные с развитием особых, "узкогрупповых" коннотаций у некоторых классов слов (например, зоонимов). Важным, на наш взгляд, является вывод о том, что специфика семейного языка "заключается не столько в **создании** [здесь и далее выделено автором] новых лексических единиц..., сколько в **отборе и оценке** тех или иных языковых фактов, а также в **обработке** (фонетической, словообразовательной) и **закреплении** тех или иных словоформ и словосочетаний в семейном узусе" (с. 284). Разработанные принципы описания речевого существования малых социальных

групп могут быть использованы в дальнейших исследованиях.

Глава 6 (Н.Н. Розанова) посвящена исследованию сферы религиозной (богослужебной) коммуникации, которая, как справедливо замечает автор, в последние десятилетия заметно расширилась и активно проникает в современную жизнь, становясь частью повседневного речевого общения. Принимая положение о существовании религиозно-проповеднического стиля в функционально-стилистической парадигме современного русского литературного языка [Крысин 1996; Крылова 2000], автор тем не менее доказывает, что данный стиль не покрывает все пространство религиозного дискурса. Рассматриваются жанры, встречающиеся в данном локусе, но не определяющие его функционально-стилевой специфики: инструкция, микродиалоги различной иллокутивной направленности (информативные, прескриптивные, апеллятивные и др.). Однако Н.Н. Розанова убедительно показывает, что текстовые реализации этих жанров в коммуникативном пространстве храма специфичны в тематическом отношении и отличаются особенностями словоупотребления.

Особо анализируется жанр храмовой проповеди, который (как и молитва) составляет специфику исследуемой коммуникативной сферы. Выявлены коммуникативные признаки жанра (устность, монологичность, спонтанность в сочетании с подготовленностью), оказывающие влияние на характер организации текста проповеди. Реализуя принцип динамического подхода, автор описывает эволюцию данного жанра и выделяет некоторые композиционные, тематические особенности, определяемые изменениями в социокультурной ситуации последних лет. Ценным представляется характеристика проповеди как комплексного монологического жанра, состоящего из цепочки более мелких жанров, композиционно и логически связанных между собой. Для понимания механизма жанровых переключений проповедь исследуется с коммуникативных позиций; рассматривается соотношение трех основных компонентов коммуникативной структуры жанра: адресант – адресат – тема. Собственно лингвистический интерес представляет описание лексических, грамматических и стилистических особенностей текста проповеди.

Несомненная значимость материалов, содержащихся в исследовательских главах части II коллективной монографии, заключается в достаточно полной социолингвистической интерпретации важнейших участков современного коммуникативного пространства.

Часть III "Социальные различия говорящих и их речевое поведение" состоит из пяти основных глав. В главе 1 (Л.П. Крысин) рассматриваются особенности речевого поведения в социально неоднородной среде. Теоретически осмысливается группа факторов (языковых, социальных, ситуативных), касающихся различий между партнерами общения и влияющих на коммуникативный результат. Это, прежде всего, однородность/неоднородность языкового кода (выделяются разные степени неоднородности), сходство/расхождение в наборе коммуникативных стереотипов (например, стереотип *Пригласите к телефону такого-то* – правомерно интерпретируется как провинциализм). Отмечаются различия в использовании коммуникативных тактик (параллельно, в частности на примере взаимодействия врача и пациента, уточняется само понятие "тактика"). Подчеркивается, что в неоднородной среде проявляется владение говорящими социализированными нормами общения, причем социальная неоднородность и языковая неоднородность коммуникантов не всегда совпадают. Автор говорит о необходимости изучения способов коммуникативного приспособления, без реализации которых невозможна обратная связь.

В главе 2 (Л.П. Крысин) исследуются кодовые переключения в речевом поведении говорящего. Уточняется представление о социально-коммуникативной системе и ее составляющих (кодах, субкодах, находящихся в отношении "функциональной дополнительнойности"), дается интерпретация механизма переключения с одного кода (субкода) на другой, причем само кодовое переключение трактуется как форма языкового варьирования в структурированной определенным образом типовой ситуации общения. Показано, какие факторы влияют на кодовые (субкодовые) переходы и регулируют последние. Способность к кодовым/субкодовым переключениям осмысливается в аспекте языковой компетенции и, что очень важно, в аспекте речевой культуры человека, культурно-речевой компетенции.

Теоретические положения, разработанные Л.П. Крысиным и систематизированные в указанных двух главах части III монографии, могут служить надежной социолингвистической базой исследования коммуникации в тех или иных социальных группах.

В главе 3 (А.В. Занадворова) изложены результаты конкретного исследования коммуникативного существования городской семьи, принадлежащей к интеллигенции. Эта глава органично продолжает пятую главу части II монографии, и поэтому несколько

странным выглядит первый раздел, где дается характеристика семьи как малой социальной группы. На наш взгляд, логичнее было бы включить этот раздел именно в предыдущую главу, где автор в первый раз обращается к семейной речи. Семья относится к так называемым малым социальным группам и с этой точки зрения характеризуется как формальная, первичная, референтная, полифункциональная общность, предполагающая ролевую дифференциацию. В домашнем общении наблюдается асимметрия семейных ролей, и автор рассматривает разные виды асимметричности – иерархическую, обусловленную социальным статусом, ситуативную, а также "неравенство в уровне компетенции" (с. 395). Убедительно показано, что внутри семьи сосуществует несколько подязыков, отличающихся особым набором жанров и тематическим диапазоном, что, в свою очередь, определяет выбор говорящим языковых средств. Все это позволяет расширить представление о полигlossии членов малой социальной группы. Бесспорной значимостью обладают сформулированные автором речевые показатели вежливости, релевантные для семейного общения.

Глава 4 (М.В. Китайгородская, Н.Н. Розанова) посвящена речевому общению в неиерархизированных общностях говорящих. Объект исследования – коммуникация в пространстве рынка. Конкретный анализ аудиозаписей рыночного речевого взаимодействия предваряется ценным социокультурологическим очерком, дающим представление о национальной специфике рыночно-ярмарочной коммуникации в ее эволюции. Эффективность приложения системы параметров, лежащих в основе коммуникативной ситуации, была продемонстрирована авторами в предыдущей части настоящего исследования, а ранее – в специальной монографии [РМ 1999]. Результативность алгоритмизированного подхода очевидна и при исследовании хаотичной, на первый взгляд, рыночной коммуникации. В процессе "поступенчатого" анализа выявлены определенные зависимости, в их числе: физическая и социальная открытость рыночного пространства – раскованность речевого поведения коммуникативных партнеров; специфика временных параметров – неофициальность, неформальность широких коммуникативных контактов; ролевые позиции коммуникативных партнеров в меняющихся социальных условиях – манера общения, специфика тональности, включение товара в сферу "своего" или "чужого", статусно-ролевые разъяснения и др. Представлено типологическое разделение тем – ситуативных и текстовых.

Авторами осуществлен опыт многоаспектного комплексного описания жанра выкрика-зазыва, специфического (как и жанр расхваливания) для коммуникативного пространства современного рынка (например: *Кому картошка рязанская / рассыпчатая! Самые дешевые в Москве макароны спагетти! Любят взрослые и дети!*). Соответствующие высказывания и тексты охарактеризованы с просодической, лексической, морфологической, синтаксической позиций, а также в функциональном аспекте. В поле зрения исследователей попадают как первичные, так и вторичные жанровые варианты, имеющие не только устную, но и письменную форму реализации, отмеченные использованием специфических воздействующих приемов. Особо отметим запоминающиеся этюдные речевые зарисовки исполнителей выкриков-зазывов: наперсточника, карточного шулера, молодого торговца-говоруна.

Проиллюстрирован репертуар жанров, которые активизируются в ситуации купли-продажи. Такие жанры, как, например, расчет, торг, в лингвистической литературе, насколько нам известно, рассматриваются впервые. Скорее всего, это объясняется трудностью получения языкового материала (в понимании Л.В. Щербы [Щерба 1974]), которым располагают авторы. Обратим внимание на попытку выявления коммуникативных тактик, которые используют коммуникативные партнеры в процессе диалогического взаимодействия. Здесь объективная трудность заключается в лингвистическом корректном именования тактик, ср., например: тактика "беру много, поэтому плачу меньше" / тактика "мой товар лучше, поэтому дороже" – и тактика молчания (с. 429).

Теоретически выверенным представляется проиллюстрированное на примере группы тактик убеждения соотношение: коммуникативная стратегия / набор типизированных тактик / набор речевых жанров.

Жанровое наполнение коммуникативного пространства рынка описано относительно спецификации последнего (рынок на колесах; птичий рынок). Доказана неиерархизированность коммуникации, в процессе которой взаимодействуют разные подсистемы русского национального языка. Социально типизированный принцип анализа не мешает авторам установить роль творческой индивидуальности в представлении, варьировании, обновлении речежанровых форм.

Глава 5 (Е.В. Какорина) включает данные социолингвистического опроса, направленного на выявление особенностей усвоения иноязычного слова в речевом узусе разных

социальных групп. Автором разработана методика опроса информантов, которая может быть использована в дальнейших исследованиях. Работа велась с тремя группами информантов. Выбор информантов объясняется тем, что они занимают нейтральное положение между активными билингвами и носителями одной подсистемы языка (например, диалекта или просторечия), "закрытыми" для заимствований. Факты количественного расхождения состава групп (83 человека / 18 человек / 10 человек), а также объединения в одну группу школьников и студентов технического вуза автором не мотивируются, хотя принципы отбора первой группы информантов вызывают сомнения (с. 457). Выбор материала для опроса проведен корректно. Эксперимент установил существование большого разрыва между общеязыковым значением иноязычного слова и его узусными вариантами. Результаты эксперимента позволили автору сделать некоторые важные для социолингвистики выводы: во-первых, неодинакова скорость освоения иноязычных слов в различных социальных группах; во-вторых, освоенность лексики разных тематических областей (экономика, политика, музыкальная культура, мода, компьютерная техника) также неодинакова в различных социальных группах; в-третьих, можно говорить о неосвоенности или неполной освоенности употребительных иноязычных заимствований в отдельных группах и о функционировании в речевом узусе конкретной эпохи слов с социально скорректированными значениями.

Часть IV "Социально-речевые портреты носителей современного русского языка" содержит опыты социолингвистической портретистики, объединенные принципом антропоцентризма и общей задачей выявления зависимости между целевой установкой коммуникации и социально маркированным выбором речевых средств (обнаруживающих групповые особенности в языковых предпочтениях и запретах), а также выбором модели поведения.

В главе 1 (Л.П. Крысин) дан речевой портрет представителя интеллигенции. Разграничивая понятия "интеллигент" и "интеллигенция", автор подчеркивает, что "интеллигенция" – это особый неоднородный социальный слой, а язык представителя интеллигенции (даже с учетом "неединственности") может быть противопоставлен языку других социальных слоев.

Характеризуя по уровням набор языковых единиц, Л.П. Крысин выделяет лишь случаи предпочтений и отталкиваний, контрастные по отношению к речи представите-

лей других социальных слоев, и, если отвлечься от разного рода индивидуальных и территориальных исключений (например, петербуржец не скажет [жы³ра]), можно согласиться со всеми интерпретациями.

Ярко представлены особенности речевого поведения представителя интеллигенции. Так, например, охарактеризованы формулы общения, основанные на полигlossности носителя литературного языка, его готовности к "кодовым переключениям", выделены источники преемственных знаков, отмечены существенные для обобщенного речевого портрета интеллигента склонности к отбору отдельных видов этих знаков (например, цитат); указано, что речь интеллигента открыта для разных форм языковой игры. Заметим, кстати, что, по нашим наблюдениям, игра присутствует и в социальных группах, не принадлежащих к слою интеллигенции, например в корпоративных профессиональных речевых коллективах.

Хочется особо подчеркнуть, что Л.П. Крысинным разработаны общие социолингвистические принципы речевой портретистики.

В главе 2 (В.Д. Черняк) представлен речевой портрет носителя "просторечия-1". Отмечая социально маркированные элементы в речи женщины, не утратившей связь с родной деревней, но полвека прожившей в городе, В.Д. Черняк делает ценные наблюдения, важные для понимания специфики речевого поведения носителя просторечия вообще, хотя в данном речевом портрете важными являются и индивидуально-творческие особенности человека говорящего. Актуальность подобных портретных характеристик определяется также необходимостью фиксации угадываемой на наших глазах языковой подсистемы.

В главе 3 (М.А. Милехина) представлен речевой портрет бизнесмена как представителя формирующегося социального слоя (попутно заметим, что нейтральной, на наш взгляд, является номинация *предприниматель* – "владелец предприятия, фирмы, а также вообще деятеля в экономической, финансовой сфере" [СОШ: 581], а не *бизнесмен*).

Многоаспектное исследование проведено на материале записей устной речи работников частных фирм и торговых предприятий Саратова. Наибольший интерес представляет описание семантической специализации лексики, маркирующей данный профессиональный слой (*оплатить бутербродом* – "и безналичным путем, и наличными деньгами"; *снять шапку* – "снять со счета наличные деньги" – с. 521), а также характеристики направления влияния разных подсистем национального языка на формирование речевого портрета

предпринимателя. Особо исследуется тематический спектр разговорного дискурса Показана, в частности, специфика вербального представления темы смерти (тематические слова: *киллер, расстрелять, убить*)

Проведена дифференциация речи информантов в зависимости от уровня образования. Главный вывод, как нам кажется, связан с мыслью о формировании корпоративного языка нового для России социального слоя

В главе 4 (Е. Я. Шмелева) представлен портрет "нового русского". Источники материала – тексты анекдотов и, частично, газетные публикации и литературные произведения Б. Акунина. Думается, что привлечение подобного материала правомерно, так как в анекдотах речь "новых русских" представлена карикатурно, гиперболически, в публицистике – обобщенно-идеологически, в избранных текстах Б. Акунина использована довольно точная стилизация. Во всех этих случаях присутствуют разные формы чужой речи, а взгляд со стороны всегда полезен. Е. Я. Шмелева особо останавливается на возможности выделения "новорусского языка" и рассматривает такие маркированные элементы этого языка, как обращения (*братан, брателло, друган, Колян* и др.), частицы и междометные выражения (*в натуре, типа, блин*), специфические выражения (*Рамсы развести проблем нет*) и др. В главе выявлены некоторые стереотипы восприятия образа жизни, внешнего вида, манеры речевого поведения.

В заключение отметим, что коллективная монография "Современный русский язык. Социальная и функциональная дифференциация", подготовленная под редакцией Л. П. Крысина, представляет собой первое фундаментальное исследование социальной структуры русского языка постсоветского периода. Динамический принцип изучения языка, функционирующего в постоянно меняющихся социальных условиях, позволил авторам выявить направления развития каждой социально обусловленной подсистемы русского языка на рубеже веков.

Антропоцентризм исследования (и связанное с ним преодоление магии анкетирования как ведущего метода социолингвистики) привел авторов к небанальным выводам о человеке говорящем как носителе определенной подсистемы (определенных подсистем) национального языка, позволил раскрыть сущность полигlossии, описать механизм кодовых и субкодовых переходов, разработать принципы социолингвистического портретирования.

Сближение социолингвистического подхода с функционально-жанровым принесло эвристические результаты: доказана связь

социальных факторов с развитием и варьированием жанровых форм в определенных сферах коммуникации. Заявленный функционально-стилистический поворот социолингвистического анализа, напротив, к видимым результатам не привел. Очевидно, что использование экспериментального материала представляющего собой некоторую "совокупность всего говоримого и понимаемого в определенной конкретной обстановке" [Шерба 1974: 26], обновление методологии выводит социолингвистику на новый уровень теоретических обобщений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бахтин 1979 – М. М. Бахтин. Проблема речевых жанров // Эстетика словесного творчества М., 1979.
- Герд 2000 – А. С. Герд. Несколько замечаний касательно понятия "диалект" // Русский язык сегодня. Вып. 1. М., 2000.
- Земская, ред. 1996 – Русский язык конца XX столетия (1985–1995) / Отв. ред. Е. А. Земская. М., 1996.
- Кожина 1983 – М. Н. Кожина. Стилистика русского языка. М., 1983.
- Кожина 1994 – Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII–XX вв.. Развитие научного стиля в аспекте функционирования языковых единиц / Под ред. М. Н. Кожиной. В 2-х ч. Пермь, 1994.
- Костомаров 1971 – В. Г. Костомаров. Русский язык на газетной полосе. М., 1971.
- Костомаров 1994 – В. Г. Костомаров. Языковой вкус эпохи: из наблюдений над речевой практикой масс-медиа М., 1994.
- Крылова 2000 – О. А. Крылова. Существует ли церковно-религиозный (церковно-поведнический) функциональный стиль в современном русском литературном языке? // Культурно-речевая ситуация в современной России. Вопросы теории и образовательных технологий. Тез. докл. Екатеринбург, 2000.
- Крысин 1968 – Л. П. Крысин. Русский язык по данным массового опроса: Проспект. М., 1968.
- Крысин 1996 – Л. П. Крысин. Религиозно-проповеднический стиль и его место в функционально-стилистической парадигме современного русского литературного языка // Поэтика. Стилистика. Язык и культура: Памяти Т. Г. Винокур. М., 1996.
- КРС 2000 – Культурно-речевая ситуация в современной России / Отв. ред. Н. А. Купина. Екатеринбург, 2000.

Ларин 1928 – *Б А Ларин*. О лингвистическом изучении города // *Русская речь* Вып 3 Л., 1928.

Матвеева 1990 – *Т В Матвеева*. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий. Свердловск, 1990.

Поливанов 1968 – *Е Д Поливанов* Статьи по общему языкознанию М., 1968

РМ 1999 – *М В Китайгородская, Н Н. Розанова*. Речь москвичей Коммуникативно-культурологический аспект М , 1999.

РЯ 1997 – *Русский язык / Red. nauk. Е Shig-jaev Orole*, 1997.

РЯС 2003 – *Русский язык сегодня / Отв ред. Л.П Крысин* Вып 2 М , 2003

ТСОЖ 1999 – *О П Ермакова, Е А Земская Р.И Розина* Слова, с которыми мы все встречались: Толковый словарь общего жаргона. М , 1999

СОШ 1999 – *С И Ожегов Н Ю Шведова* Толковый словарь русского языка. М , 1999

Стилистика 1998 – *Стилистика научного текста (общие параметры) / Под ред М Н Кожиной* В 2-х ч. Пермь, 1998

Щерба 1974 – *Л В Щерба* О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // *Языковая система и речевая деятельность* Л , 1974

Н А Купина, О А Михайлова